

ПРОТЯНУТЬ РУКУ ДРУГУ ДРУГУ

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Федор
Павлович
РЕШЕТНИКОВ

Долгие годы мы засуживали посторони фразу: интеллигенция в долгий перед народом. Фразу не только абстрактную, но и сущую интеллигенцию от народа, частично которого она является, с которым связана теснейшими узами. Но сегодня на первый план выходят новые понимания личной ответственности за все, что происходит, и за свою поступки — фильмы, за книгу, за сказанное слово. Новое понимание, предполагающее лучшие традиции интеллигентии, всегда чутко относившейся к трагогам времени, осознавшей свою личную ответственность за улучшение нравственного состояния общества.

Ситуация, сложившаяся в Закавказье в последние месяцы, не могла не вызвать острейшего беспокойства у людей всех национальностей. Мы пережили наше трудных, критических моментов. И не раз возник вопрос — в почему же мы молчимте, когда мы причисляем к нашей интеллигентской элиты? Помимо писателей, поэтов, художников Азербайджана и Армении оторвались друг от друга степень непонимания! Что может им вступить в диалог, несмотря на обильные призы в нему? Вопросы эти тем более актуальны, что на интеллигентии эти распались — если бы честными — лежит часть вины за обострение напряженности, за предельно взаимных счетов и упреков, за тенденциозные публикации или гладкорандинущие

фразы о другом, скрывающие истинные проблемы. Но шаг настичет друг другу должны быть сделаны, многое не дено — вот главная мысль встречи, прошедшей в редакции нашей газеты. Она состоялась до трагического замлетрации в Армении. Мы еще не знали, какая беда впереди. Беда, перед которой отступило зло, малое. Беда, которая перевернула душу каждого, и дальнейшим стала близким. Сегодня все одержаны одними же людьми — спаси обогреть, помочь... Но трагедия высвечена и новым смыслом, невозможна ситуация конфронтации. Ведь все тревоги остались, они идут своего часа — трагедия лишь заслоняется, отодвигается на. Первично мы все же решимся представить на суд читателей заявления разговора, состоявшегося в редакции газеты.

Во встрече участвовали: А. Имамалиев, главный травматолог России, Х. Момджян, доктор философии наук, Т. Махмудов, драматург, народный артист Азербайджанской ССР, М. Чеддов, заместитель директора ИМЭЛ, В. Песков, писатель и журналист, Т. Салахов, первый секретарь председения ЦС ССР, Е. Симонов, руководитель газеты «Театр Дружбы народов», народный артист ССР, О. Назаров, первый заместитель главного редактора, Г. Отанов, политический обозреватель газеты Ю. Соломонов, член радиокомитета, В. Каучук, редактор отдела.

О. ИВАНОВ: Разговор, который сегодня состоялся, для нас носит необычайно важный и неформальный характер. Сегодня мы познакомились, которые внутренне и по рождению связаны с Закавказьем, с его культурой, и в то же время — с культурой России. Вопрос у нас только один — что мы вместе (я имею в виду в данном случае и газету) должны сделать для того, чтобы пройти и взвешено чувству предела всего завоеванной интеллигентии, побудить ее выполнять свою гуманистическую роль перед своими народами и перед социалистическими союзниками народов ССР? Как побудить их быть античными в прекращении того периода — по-другому не скажешь, — в который в настичее время ввергнуты две республики?

Давайте пословечемся, какие мы должны найти слово, и кому обратимся, какие струны мы должны заставить звенеть. Весь Закавказье болит все. Каждый наш день в редакции начинается с печальных новостей, которые до нас доносят и официальные источники информации, и собственные наши корреспонденты. Нам ясно только одно, что жить так дальше.

М. ЧЕДДОВ: Конечно, тут разные могут быть точки зрения. Я склоняюсь к практическим. Если мы примем какое-то обращение к интеллигентии, то в нем должна быть такая идея — столько единомышленников людям находиться в таком состоянии. Идея аспирантов "народному союзнику", "народной психологи" должна быть. Второе — это мешает перестройке. В итоге выигрывают те силы, что стремятся быть «лидерами нации», находясь при этом на самом дне болота. Они больше всяких кричали на митингах, превратившихся в настоящие собрания.

И вот главное, и считаю, надо апеллировать к ЦИ республик, которые явно оказались не на высоте. Есть у нас, напонец, идея народной дипломатии. В отношениях с США она уже дает свои плоды. А тут британские народы — они ведь хотят жить вместе. Они и сейчас должны жить вместе. Пусть же на разных уровнях — компромиссы с компромиссами, художники с художниками, мастера с журналистами — встретятся. Есть, напонец, и личные связи. Я не верю, что вся дружба испарилась.

И основная идея подобных встреч — неизбежность компромисса, взаимной терпимости. Надо провести такие встречи интеллигентии — собрать историков, юристов, философов тоже. Пусть все скажут свое слово.

А. ИМАМАЛИЕВ: Конечно, в эти дни никто из нас спокойно спать не может. Я азербайджанец, воспитан в семье, где идеи интранационализма воспринимались как само собой разумеющееся. В моей телефонной книжке армяне в десять раз больше записаны, чем в наших, наше. У меня кафедра состоит из 40 человек, семи или восьми национальностей. Поэтому то, что происходит в Закавказье, мне кажется тем более абсурда.

Уже почти десять месяцев мы все находимся в тяжелом состоянии. В первые же дни карабахского кризиса я встретился со своим другом, который живет по соседству, Левоном Пирогяном, членом-корреспондентом Академии наук. Мы говорили о наших друзьях армянах и в Ереване, и в Грузии. И тогда выяснилось такую точку зрения — не надо ждать, пока опухоль станет вязачистиной, нужно сразу радикальные меры. Мы во многом упустили момент.

Разного рода обращений было много. Посмотрите хотя бы обращение бакинских армян ко всем армянам Армении. И что оно дало? Ничего. Сейчас чуть взаимные увещевания никуда не приведут. За это время я побывал и в Армении, и в Азербайджане. Мне удалось наблюдать самое бурное кипение страсти в Армении. И в Азербайджане неделя назад слушал выступления на площади. Это слушать больно. Мы все пережили период страшной растерянности. Увы, и наша печать не смогла занять в

этой ситуации твердую позицию.

Конечно, может возникнуть вопрос: а будет ли это услышано и в Армении, и в Азербайджане? Я не знаю, как несется в Армении и тому, что я и другие товарищи армянского происхождения обращаются с таким призывом и армянам. Наверное, сейчас и не могут. Но надо, чтобы люди знали о том, что принятые меры для пресечения экстремистских действий. Но по-доброму решение надо было принимать раньше.

Вот сейчас у меня в гостях женя похоной Талышинского. Это был крепкий азербайджанец, и в Азербайджане, и в Армении власти не проявляют и не проявляют достаточной антиности, плохо защищают наш народ. Ведь идет злоупотребление связанными вещами, так трудно нам доставшимися, — демократизмом, гласностью, свободой выражать свою мнение. Их используют во вред пред будущему.

Вот анекдот. Мой бывший аспирант сравнительно недавно вернулся из Армении, был у меня дома и рассказал, что там, где проводятся сейчас митинги, установили доску для того, чтобы люди не только говорили, но что писали и прикрепляли свои предложения... Среди них были разные, в том числе и абсолютно, на мой взгляд, неприменимы. А власти

заподозрили в этом что-то необычное. Это делается в Советском Союзе, у меня дома? Вот где я иду на ремонт в квартире. А здесь надо переселиться, все бросить... Неделю назад позвонил Эдди Багдасаров, директор завода, и сказал, что едет его дочь и ее надо устроить на работу в Москве. Я ему сказал: «Эдди, дорогой, ты воспитанник Азербайджана, ты не стыдно приехать из Баку в Баку?» Оказалось, что в Ереване осталось 620 азербайджанских семей. Но в Баку 200 тысяч армян. Моя мама, ей пошел 81 год, позвонила мне по телефону и сказала: «Сынок, не беспокойся, в наш дом (у нас в подъезде восемь семей, из них три семьи армянских) никто не войдет». Все мы знаем, что такое сделать ремонт в квартире. А здесь надо переселиться, все бросить... Неделю назад позвонил Эдди Багдасаров, директор завода, и сказал, что едет его дочь и ее надо устроить на работу в Москве. Я ему сказал: «Эдди, дорогой, ты воспитанник Азербайджана, ты не стыдно приехать из Баку в Баку?» Оказалось, что в Ереване осталось 620 азербайджанских семей. Но в Баку 200 тысяч армян. Моя мама, ей пошел 81 год, позвонила мне по телефону и сказала: «Сынок, не беспокойся, в наш дом (у нас в подъезде восемь семей, из которых три семьи армянских) никто не войдет».

Сейчас я пытаюсь вспомнить, что такое свободы? Уровень нашей политической культуры впечатляет серьезным опасением. Мы здесь собрались, чтобы обратиться к интеллигентии, чтобы интеллигентии, как-то повлияли на массы, и они перестали сориентироваться и дрались. Но нужны и смелые политические методы решения конфликта. Нужно и власть употребить. Я знаю Армению в период Демирчяна. Я работал там много лет, я понимаю, к чему все это привело. Это делается в Советском Союзе, у меня дома? Вот где я иду на ремонт в квартире. А здесь надо переселиться, все бросить... Неделю назад позвонил Эдди Багдасаров, директор завода, и сказал, что едет его дочь и ее надо устроить на работу в Москве. Я ему сказал: «Эдди, дорогой, ты воспитанник Азербайджана, ты не стыдно приехать из Баку в Баку?» Оказалось, что в Ереване осталось 620 азербайджанских семей. Но в Баку 200 тысяч армян. Моя мама, ей пошел 81 год, позвонила мне по телефону и сказала: «Сынок, не беспокойся, в наш дом (у нас в подъезде восемь семей, из которых три семьи армянских) никто не войдет».

И вот думаю: правдиво ли мы понимаем все наши свободы? Уровень нашей политической культуры впечатляет серьезным опасением. Мы здесь собрались, чтобы обратиться к интеллигентии, чтобы интеллигентии, как-то повлияли на массы, и они перестали сориентироваться и дрались. Но нужны и смелые политические методы решения конфликта. Нужно и власть употребить. Я знаю Армению в период Демирчяна. Я работал там много лет, я понимаю, к чему все это привело. Это делается в Советском Союзе, у меня дома? Вот где я иду на ремонт в квартире. А здесь надо переселиться, все бросить... Неделю назад позвонил Эдди Багдасаров, директор завода, и сказал, что едет его дочь и ее надо устроить на работу в Москве. Я ему сказал: «Эдди, дорогой, ты воспитанник Азербайджана, ты не стыдно приехать из Баку в Баку?» Оказалось, что в Ереване осталось 620 азербайджанских семей. Но в Баку 200 тысяч армян. Моя мама, ей пошел 81 год, позвонила мне по телефону и сказала: «Сынок, не беспокойся, в наш дом (у нас в подъезде восемь семей, из которых три семьи армянских) никто не войдет».

И вот думаю: правдиво ли мы понимаем все наши свободы? Уровень нашей политической культуры впечатляет серьезным опасением. Мы здесь собрались, чтобы обратиться к интеллигентии, чтобы интеллигентии, как-то повлияли на массы, и они перестали сориентироваться и дрались. Но нужны и смелые политические методы решения конфликта. Нужно и власть употребить. Я знаю Армению в период Демирчяна. Я работал там много лет, я понимаю, к чему все это привело. Это делается в Советском Союзе, у меня дома? Вот где я иду на ремонт в квартире. А здесь надо переселиться, все бросить... Неделю назад позвонил Эдди Багдасаров, директор завода, и сказал, что едет его дочь и ее надо устроить на работу в Москве. Я ему сказал: «Эдди, дорогой, ты воспитанник Азербайджана, ты не стыдно приехать из Баку в Баку?» Оказалось, что в Ереване осталось 620 азербайджанских семей. Но в Баку 200 тысяч армян. Моя мама, ей пошел 81 год, позвонила мне по телефону и сказала: «Сынок, не беспокойся, в наш дом (у нас в подъезде восемь семей, из которых три семьи армянских) никто не войдет».

И вот думаю: правдиво ли мы понимаем все наши свободы? Уровень нашей политической культуры впечатляет серьезным опасением. Мы здесь собрались, чтобы обратиться к интеллигентии, чтобы интеллигентии, как-то повлияли на массы, и они перестали сориентироваться и дрались. Но нужны и смелые политические методы решения конфликта. Нужно и власть употребить. Я знаю Армению в период Демирчяна. Я работал там много лет, я понимаю, к чему все это привело. Это делается в Советском Союзе, у меня дома? Вот где я иду на ремонт в квартире. А здесь надо переселиться, все бросить... Неделю назад позвонил Эдди Багдасаров, директор завода, и сказал, что едет его дочь и ее надо устроить на работу в Москве. Я ему сказал: «Эдди, дорогой, ты воспитанник Азербайджана, ты не стыдно приехать из Баку в Баку?» Оказалось, что в Ереване осталось 620 азербайджанских семей. Но в Баку 200 тысяч армян. Моя мама, ей пошел 81 год, позвонила мне по телефону и сказала: «Сынок, не беспокойся, в наш дом (у нас в подъезде восемь семей, из которых три семьи армянских) никто не войдет».

И вот думаю: правдиво ли мы понимаем все наши свободы? Уровень нашей политической культуры впечатляет серьезным опасением. Мы здесь собрались, чтобы обратиться к интеллигентии, чтобы интеллигентии, как-то повлияли на массы, и они перестали сориентироваться и дрались. Но нужны и смелые политические методы решения конфликта. Нужно и власть употребить. Я знаю Армению в период Демирчяна. Я работал там много лет, я понимаю, к чему все это привело. Это делается в Советском Союзе, у меня дома? Вот где я иду на ремонт в квартире. А здесь надо переселиться, все бросить... Неделю назад позвонил Эдди Багдасаров, директор завода, и сказал, что едет его дочь и ее надо устроить на работу в Москве. Я ему сказал: «Эдди, дорогой, ты воспитанник Азербайджана, ты не стыдно приехать из Баку в Баку?» Оказалось, что в Ереване осталось 620 азербайджанских семей. Но в Баку 200 тысяч армян. Моя мама, ей пошел 81 год, позвонила мне по телефону и сказала: «Сынок, не беспокойся, в наш дом (у нас в подъезде восемь семей, из которых три семьи армянских) никто не войдет».

И вот думаю: правдиво ли мы понимаем все наши свободы? Уровень нашей политической культуры впечатляет серьезным опасением. Мы здесь собрались, чтобы обратиться к интеллигентии, чтобы интеллигентии, как-то повлияли на массы, и они перестали сориентироваться и дрались. Но нужны и смелые политические методы решения конфликта. Нужно и власть употребить. Я знаю Армению в период Демирчяна. Я работал там много лет, я понимаю, к чему все это привело. Это делается в Советском Союзе, у меня дома? Вот где я иду на ремонт в квартире. А здесь надо переселиться, все бросить... Неделю назад позвонил Эдди Багдасаров, директор завода, и сказал, что едет его дочь и ее надо устроить на работу в Москве. Я ему сказал: «Эдди, дорогой, ты воспитанник Азербайджана, ты не стыдно приехать из Баку в Баку?» Оказалось, что в Ереване осталось 620 азербайджанских семей. Но в Баку 200 тысяч армян. Моя мама, ей пошел 81 год, позвонила мне по телефону и сказала: «Сынок, не беспокойся, в наш дом (у нас в подъезде восемь семей, из которых три семьи армянских) никто не войдет».

И вот думаю: правдиво ли мы понимаем все наши свободы? Уровень нашей политической культуры впечатляет серьезным опасением. Мы здесь собрались, чтобы обратиться к интеллигентии, чтобы интеллигентии, как-то повлияли на массы, и они перестали сориентироваться и дрались. Но нужны и смелые политические методы решения конфликта. Нужно и власть употребить. Я знаю Армению в период Демирчяна. Я работал там много лет, я понимаю, к чему все это привело. Это делается в Советском Союзе, у меня дома? Вот где я иду на ремонт в квартире. А здесь надо переселиться, все бросить... Неделю назад позвонил Эдди Багдасаров, директор завода, и сказал, что едет его дочь и ее надо устроить на работу в Москве. Я ему сказал: «Эдди, дорогой, ты воспитанник Азербайджана, ты не стыдно приехать из Баку в Баку?» Оказалось, что в Ереване осталось 620 азербайджанских семей. Но в Баку 200 тысяч армян. Моя мама, ей пошел 81 год, позвонила мне по телефону и сказала: «Сынок, не беспокойся, в наш дом (у нас в подъезде восемь семей, из которых три семьи армянских) никто не войдет».

И вот думаю: правдиво ли мы понимаем все наши свободы? Уровень нашей политической культуры впечатляет серьезным опасением. Мы здесь собрались, чтобы обратиться к интеллигентии, чтобы интеллигентии, как-то повлияли на массы, и они перестали сориентироваться и дрались. Но нужны и смелые политические методы решения конфликта. Нужно и власть употребить. Я знаю Армению в период Демирчяна. Я работал там много лет, я понимаю, к чему все это привело. Это делается в Советском Союзе, у меня дома? Вот где я иду на ремонт в квартире. А здесь надо переселиться, все бросить... Неделю назад позвонил Эдди Багдасаров, директор завода, и сказал, что едет его дочь и ее надо устроить на работу в Москве. Я ему сказал: «Эдди, дорогой, ты воспитанник Азербайджана, ты не стыдно приехать из Баку в Баку?» Оказалось, что в Ереване осталось 620 азербайджанских семей. Но в Баку 200 тысяч армян. Моя мама, ей пошел 81 год, позвонила мне по телефону и сказала: «Сынок, не беспокойся, в наш дом (у нас в подъезде восемь семей, из которых три семьи армянских) никто не войдет».

И вот думаю: правдиво ли мы понимаем все наши свободы? Уровень нашей политической культуры впечатляет серьезным опасением. Мы здесь собрались, чтобы обратиться к интеллигентии, чтобы интеллигентии, как-то повлияли на массы, и они перестали сориентироваться и дрались. Но нужны и смелые политические методы решения конфликта. Нужно и власть употребить. Я знаю Армению в период Демирчяна. Я работал там много лет, я понимаю, к чему все это привело. Это делается в Советском Союзе, у меня дома? Вот где я иду на ремонт в квартире. А здесь надо переселиться, все бросить... Неделю назад позвонил Эдди Багдасаров, директор завода, и сказал, что едет его дочь и ее надо устроить на работу в Москве. Я ему сказал: «Эдди, дорогой, ты воспитанник Азербайджана, ты не стыдно приехать из Баку в Баку?» Оказалось, что в Ереване осталось 620 азербайджанских семей. Но в Баку 200 тысяч армян. Моя мама, ей пошел 81 год, позвонила мне по телефону и сказала: «Сынок, не беспокойся, в наш дом (у нас в подъезде восемь семей, из которых три семьи армянских) никто не войдет».

И вот думаю: правдиво ли мы понимаем все наши свободы? Уровень нашей политической культуры впечатляет серьезным опасением. Мы здесь собрались, чтобы обратиться к интеллигентии, чтобы интеллигентии, как-то повлияли на массы, и они перестали сориентироваться и дрались. Но нужны и смелые политические методы решения конфликта. Нужно и власть употребить. Я знаю Армению в период Демирчяна. Я работал там много лет, я понимаю, к чему все это привело. Это делается в Советском Союзе, у меня дома? Вот где я иду на ремонт в квартире. А здесь надо переселиться, все бросить... Неделю назад позвонил Эдди Багдасаров, директор завода, и сказал, что едет его дочь и ее надо устроить на работу в Москве. Я ему сказал: «

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Даниил Данин

Счастливчики, или Красна ли смерть на миру?

В ПРАВОМ верхнем углу каждого письма — пятизначное число: 18203... 18795... 18912... Регистрационный номер. Оторвав бегом в одной только редакции почти девятнадцать тысяч за короткий срок! Убеждаешься: выборка читательских откликов на мою статью «Версия страха» (23.VI.88 г.) — лишь тонкий ручеек, отведенный от могучего потока в авторскую заводь. А на берегах этого потока многоголосы — струны пострадавших в казанских вузах. «Во много знания — много печали». Зачем же знать?

Повсеместные «репрессии? Миллионы жертв беззаконий! Разоренные деревни? Голодные края? Обезглавленные армии? Целые народы изгнаны? Изуродованные судьбы? Истребленные таланты? Пощеримые хлеветники? Кровь невинных? Наконец, какие-то там ночные страхи? Да полните вам. Чумки голосов наслышались? Где — кто — когда? Ничего такого мы отрывались не видели! Мы [изделия] из дня работали] — по сторонам не глязели. А чего вы узнаем, чтобы верить не получается — осуждать Его надо? И себя — тоже? Не дождется — мы привыкли. А если, бывало, наказывали кого, ну, там в лагерь отправили, или, говорят, даже расстреляли, — так это же тех, кто воровал, лгал, угодничал, не изо дня в день работал. Словом — по заслугам! А без этого, как бы сделались «самыми плодотворными» сталинские годы, а? Неужто не совсем понятно?

Счастливчиками сразу не поддается доводам рассудка. И все-таки поддается. Большинство на тех, кого я знаю, из «стариков», для которых еще пять лет назад Сталин был авторитетом № 1, уже сейчас говорит: если это правда, значит, и ошибался Так что нужно последовательно и терпеливо действовать в том же направлении (передавать гласность все, что было). — Д. Д.»

А вот другое наблюдение: синонимы «сталинец» и «сталинист» воспринимаются уже как оскорбительные ярлыки. Меня удостоила гневной отповеди ветераны войны и труда. А. Янинов:

«Вы вступаете как подручный Сталина — личину «сталинистов», в это похоже на сталинское «враг народа». Подобные вам уже пруссы — сумели внуstit молодежи вредное (непочтительное) и «старшее». Так или иначе виновных и застое.

Психологически интересно, что в статье моё слово «сталинец» вообще не встречается, а слово «сталинист» — лишь однажды. Очевидно, автор письма уже не раз слышал эти «личинки». Они обидно резонируют в его душе. В статье говорилось о разновидностях социального страха, как трудно излечимых метастазах сталинизма в наших душах, а ветеран прочитал неизнанное: «Почему вы Сталинисты окрестили рядом с Андреевской большой частью населения?»

Снова — психологически не случайно, что «вы» на написали с маленькой буквы, в «Сталинистов» — с заглавной. Видно, как с трудом дается самоочищение от идолопоклонства. Но радостно, что оно идет.

— Скорого успеха каждому на этом пути! Возможно, такое авторское напутствие было бы кратчайшим и достаточным ответом на читательские отклики. Да только, к сожалению, это не так: кратчайшим — это было бы, но достаточно — нет. А дело просто: счастья и «человеку в себе» собираются не все, но следовало бы всерьез задуматься над этим.

— ЗАЧЕМ? — спрашивают они то прямо, то инсистерально. — За что нам это на пасьереценции было? За какие-то приемы? Неужто мы, советские люди, когда-нибудь и в чем-нибудь отлучались от человека? Мы всегда были с большой бунью и звучали гордо! Сталинская эпоха прочно сработала нас по образу и подобию своему, в перестраиваясь и «человеку в себе» собираются не все, но следовало бы всерьез задуматься над этим.

— ЗАЧЕМ? — спрашивают они то прямо, то инсистерально. — За что нам это на пасьереценции было? За какие-то приемы?

Счастливчики, черт возьми! Какие счастливчики живут среди нас, сплошь выкинувшись из словного пригора наша не слишком сладкой истории! Одно письмо от их лица особенно выразительно. Оно из Бийска. Жаль, в изысканно-антропологическом подиуме ясно различимы лишь концепции — «...оза». Остается ссылаться на регистрационный номер 18625. А это, признаюсь, неприятно: отдает бесчеловечным образом сталинским лагерям. Варочко...

Варочко, в данном-то случае шершельность излишна. Дело в том, что письмо убежденно прославляет тридцать лет сталинского деспотизма «1924—1953» как «самые плодотворные годы становления Советского государства». А предыдущие годы — ленинские — для этого становления не в счет. А «последующие годы» — кружевные — «бездарное разбазаривание созданного». Естественно, входит ското и «бездарное разбазаривание» образцово созданных лагерей. Но это не передерка с моей стороны: все, что страдальчески и гневно высказывается ныне у нас о сталинском терроре, отображается в письме «одиозно разбазаривание» — разумеется, лицедеев. Ну, а коли так, то авторы письма, пожалуй, придется даже по вкусу слышать звуки своей фамилии и номерной лагерной окладки из любой эпохи, с концом которой так счастливо сознана ее студенческая юность.

«Мне 57 лет, — пишет 18625, — и во барски сплеск терминологии Данина, я — казанский химик (в 1955 г. окончила Казанский химико-технологический институт). Не это ли тот же самый Толстой среди «мыслей на каждый день»? — поместил размышление Вовензера: «Рабство привлекает людей до любви к нему». Не приключилась ли именно эта печаль с добровольной рабыней из Бийска? Статья «Версия страха» основана ее любовь к Сталину! И все-таки более утверждением, что надо изживать в себе порожденные ими культурой вечные предчувствия возможных, хоть и незаслуженных бед? Представьте, — смело пишет 18625, — я не знала и не знала страха, как не знали его и мои родители, потомственные царинцы (матеря — комсомолка первых пятилеток, строившая Сталинградский тракторный, отец — коммунист Ленинградского призыва), вероятно, оттого, что не воровали. Не лгали, не тревали языками чужого голоса, не угодничали ради собственного благополучия, изо дня в день работали».

Лев Толстой среди «мыслей на каждый день» поместил размышление Вовензера: «Рабство привлекает людей до любви к нему». Не приключилась ли именно эта печаль с добровольной рабыней из Бийска? Статья «Версия страха» основана ее любовь к Сталину! И все-таки более утверждением, что надо изживать в себе порожденные ими культурой вечные предчувствия возможных, хоть и незаслуженных бед?

Представьте, — смело пишет 18625, — я не знала и не знала страха, как не знали его и мои родители, потомственные царинцы (матеря — комсомолка первых пятилеток, строившая Сталинградский тракторный, отец — коммунист Ленинградского призыва), вероятно, оттого, что не воровали. Не лгали, не тревали языками чужого голоса, не угодничали ради собственного благополучия, изо дня в день работали».

ПРОБЛЕМЫ, СУЖДЕНИЯ

РЕПЛИКА

ДОКТОР ГАСПАР В «ТРЕХ ТОЛСТИКАХ» ЗНАЛ, КАК ИЗ КАМНЯ СДЕЛАТЬ ПАР, А ГЛАВНЫЙ БУХГАЛЬТЕР ИНГУСТОРИСТИЧЕСКОГО ГОСТИНИЦЫ «ЛЕНИНГРАД» ГОРОДА НА НЕВЕ ЗНАЕТ, КАК ИЗ НИЧЕГО СДЕЛАТЬ ДЕНЬГИ. С ПОМОЩЬЮ ХОЗРАСЧЕТА.

Из чужого кармана

Какие счастливчики, да еще в двух поколениях — отцов и детей! Конечно, полдела. что жили беззаботно: так до поры до времени жили все, кто не чуял за собой никакого греха. Эта невидаль! Только не мешало бы уточнить все расширявшиеся границы национального социализма. А то ведь страноводил городское признание — «не тревали языками с чужого голоса»: это безошибочно отдает обыкновенностью в обоснованным страхом перед доносом другого правоверного счастливчика. И потому уверение казанской химички в полном бесстрашии ее семьи едва ли вполне правдиво. А ее представление о заслуженном нараем вине едва ли человечно до едва ли конституционно!

ОДНАКО одного бесстрашия счастливчиков из самих себя все-таки мало: это, повторяю, лишь полдела. Они редкостные счастливчики еще и в другом: выбирока читательских откликов на мою статью «Версия страха» (23.VI.88 г.) — лишь тонкий ручеек, отведенный от могучего потока в авторскую заводь. А на берегах этого потока многоголосы — струны пострадавших в казанских вузах. «Во много знания — много печали». Зачем же знать?

Повсеместные «репрессии? Миллионы жертв беззаконий! Разоренные деревни? Голодные края? Обезглавленные армии? Целые народы изгнаны? Изуродованные судьбы? Истребленные таланты? Пощеримые хлеветники? Кровь невинных? Наконец, какие-то там ночные страхи? Да полните вам. Чумки голосов наслышались? Где — кто — когда? Ничего такого мы отрывались не видели! Мы [изделия] из дня работали] — по сторонам не глязели. А чего вы узнаем, чтобы верить не получается — осуждать Его надо? И себя — тоже? Не дождется — мы привыкли. А если, бывало, наказывали кого, ну, там в лагерь отправили, или, говорят, даже расстреляли, — так это же тех, кто воровал, лгал, угодничал, не изо дня в день работал. Словом — по заслугам! А без этого, как бы сделались «самыми плодотворными» сталинские годы, а? Неужто не совсем понятно?

Счастливчиками сразу не поддается доводам рассудка. И все-таки поддается. Большинство на тех, кого я знаю, из «стариков», для которых еще пять лет назад Сталин был авторитетом № 1, уже сейчас говорит: если это правда, значит, и ошибался Так что нужно последовательно и терпеливо действовать в том же направлении (передавать гласность все, что было). — Д. Д.»

А вот другое наблюдение: синонимы «сталинец» и «сталинист» воспринимаются уже как оскорбительные ярлыки. Меня удостоила гневной отповеди ветераны войны и труда. А. Янинов:

«Вы вступаете как подручный Сталина — личину «сталинистов», в это похоже на сталинское «враг народа». Подобные вам уже пруссы — сумели внусти молодежи вредное (непочтительное) и «старшее». Так или иначе виновных и застое.

Психологически интересно, что в статье моё слово «сталинец» вообще не встречается, а слово «сталинист» — лишь однажды. Очевидно, автор письма уже не раз слышал эти «личинки». Они обидно резонируют в его душе. В статье говорилось о разновидностях социального страха, как трудно излечимых метастазах сталинизма в наших душах, а ветеран прочитал неизнанное: «Почему вы Сталинисты окрестили рядом с Андреевской большой частью населения?»

Снова — психологически не случайно, что «вы» на написали с маленькой буквы, в «Сталинистов» — с заглавной. Видно, как с трудом дается самоочищение от идолопоклонства. Но радостно, что оно идет.

— ЗАЧЕМ? — спрашивают они то прямо, то инсистерально. — За что нам это на пасьереценции было? За какие-то приемы?

Счастливчики, черт возьми! Какие счастливчики живут среди нас, сплошь выкинувшись из словного пригора наша не слишком сладкой истории! Одно письмо от их лица особенно выразительно. Оно из Бийска. Жаль, в изысканно-антропологическом подиуме ясно различимы лишь концепции — «...оза». Остается ссылаться на регистрационный номер 18625. А это, признаюсь, неприятно: отдает бесчеловечным образом сталинским лагерям. Варочко...

Варочко, в данном-то случае шершельность излишна. Дело в том, что письмо убежденно прославляет тридцать лет сталинского деспотизма «1924—1953» как «самые плодотворные годы становления Советского государства». А предыдущие годы — ленинские — для этого становления не в счет. А «последующие годы» — кружевные — «бездарное разбазаривание созданного». Естественно, входит ското и «бездарное разбазаривание» образцово созданных лагерей. Но это не передерка с моей стороны: все, что страдальчески и гневно высказывается ныне у нас о сталинском терроре, отображается в письме «одиозно разбазаривание» — разумеется, лицедеев. Ну, а коли так, то авторы письма, пожалуй, придется даже по вкусу слышать звуки своей фамилии и номерной лагерной окладки из любой эпохи, с концом которой так счастливо сознана ее студенческая юность.

Лев Толстой среди «мыслей на каждый день» поместил размышление Вовензера: «Рабство привлекает людей до любви к нему». Не приключилась ли именно эта печаль с добровольной рабыней из Бийска? Статья «Версия страха» основана ее любовь к Сталину! И все-таки более утверждением, что надо изживать в себе порожденные ими культурой вечные предчувствия возможных, хоть и незаслуженных бед?

Представьте, — смело пишет 18625, — я не знала и не знала страха, как не знали его и мои родители, потомственные царинцы (матеря — комсомолка первых пятилеток, строившая Сталинградский тракторный, отец — коммунист Ленинградского призыва), вероятно, оттого, что не воровали. Не лгали, не тревали языками чужого голоса, не угодничали ради собственного благополучия, изо дня в день работали».

Лев Толстой среди «мыслей на каждый день» поместил размышление Вовензера: «Рабство привлекает людей до любви к нему». Не приключилась ли именно эта печаль с добровольной рабыней из Бийска? Статья «Версия страха» основана ее любовь к Сталину! И все-таки более утверждением, что надо изживать в себе порожденные ими культурой вечные предчувствия возможных, хоть и незаслуженных бед?

ПРОБЛЕМЫ, СУЖДЕНИЯ

Академик В. Соколов:

Будем любить и защищать животных

Лишь в пяти странах мира, по данным ЮНЕСКО, нет общественных организаций, которые защищают бы интересы животных наших меньшин. Это Болгария, Китай, КНДР, Монголия и СССР. Но вчера наша страна вышла из этой пятерки. В Москве состоялся учредительный съезд Всесоюзного общества защиты животных.

Кого же будет защищать животное общество и от кого? Стартовый вопрос началась наша беседа с председателем оргкомитета академиком В. СОКОЛОВЫМ.

— Мы берем под свое крыло всех животных, которые живут рядом с человеком, — ответил Владимир Евгеньевич. — Это в первую очередь домашние животные — городские и сельские, это четвероногие артисты цирков, жирафы зоопарков... От кого защищать? От жестоких людей, которых, к сожалению, немало.

До сих пор наши меньшине братья были абсолютно бесправны. Вашу собаку, скажем, любой может безнаказанно забрать с улицы. А что делать? Использовать взыскательные талейраны? Нет закона, который бы животных защищал. Думалось, что члены оргкомитета предложат внести изменения в закон о защите животных, чтобы в нем было что-то вроде «запрета на эксплуатацию животных в цирках».

— Не до собаки, мол!

— Не знаю, в чем дело. Дядьки были неясные.

— Во-первых, мы хотим добиться принятия единого для всей страны закона о защите животных, а также единого правила для зоопарков.

— Но главное, не мой взгляд, а мой взгляд. Идея одна: взыскательные талейраны, в которых животные должны платить за то, что они делают, это не правильно.

— А вот что я считаю: мы должны всеми возможными способами пропагандировать доброе отношение к другим животным.

Смешно сказать, но на не-

давнем совещании у первого заместителя Председателя Совета СССР В. Мураховского мы заявили, что по нашему праву, так как пошли — это государственная собственность. Ну не наелась ли?

— Неужели кто-то может быть против того, чтобы человек защищал животных под званием?

— Как это странно, но это так. Представители ВЦСПС, к примеру, выразились в том плане, что, дескать, мы должны всеми возможными способами выступать за то, чтобы животные не были эксплуатированы.

— Но главное, что у нас есть единственный в мире закон о защите животных, а также единственный в мире закон о защите животных.

— А вот что я считаю: мы должны всеми возможными способами пропагандировать доброе отношение к другим животным.

— Но это не единственный фактор.

— А вот что я считаю: мы должны всеми возможными способами пропагандировать доброе отношение к другим животным.

— Но это не единственный фактор.

— А вот что я считаю: мы должны всеми возможными способами пропагандировать доброе отношение к другим животным.

— Но это не единственный фактор.

— А вот что я считаю: мы должны всеми возможными способами пропагандировать доброе отношение к другим животным.

— Но это не единственный фактор.

— А вот что я считаю: мы должны всеми возможными способами пропагандировать добр

У КНЯЗЯ Алексея Петровича Кропоткина, чей род вел начало от самого Владимира Мономаха, было три сына. Старший, Николай, бросив кадетский корпус, добровольцем ушел на Крымскую войну, но потом спился, был определен отцом в монастырь, бежал оттуда и скончался без вести. Средний, Александр, кадетский корпус окончил, но, имея душу поэтическую и философский склад ума, карьеры не сделал, целиком отдался астрономии. Случайность — первоначальное письмо, написанное слишком резко, — обернулась для него двухгодичной ссылкой в Сибирь. Случайность же распустила ссыльную на двенадцать лет. Он застрял за несколько месяцев до истечения срока, раздавленный несправедливостью, «странными бессмыслицами» жизни человеческой. Младшему сыну, Герасиму, родившемуся в 1842 году, выпала самая странная судьба. Подголовленный для блестящей придворной карьеры, он стал злейшим врагом монархии, революционером-анархистом.

В судьбе трех братьев Кропоткиных — трагедия царского помешания русских молодых людей, пытающихся нащупать выход из тупика, в котором оказалась имперская Россия, образованно-бюрократическое государство, разъединенные национальными и социальными различиями не только во внутренней политике, но и правосудии, системой образования, политики в прекрасном и дозволенном, отношениями внутри семьи — то есть в прямом смысле слова душой общества. Даже гостинные в дворянских домах застыгали на ту же одниаковую, что «наш у нас», Критине, и критинские язвы нелобо, разваливались, искашившие нежалания звать предузеющие верноподданничество, чинопочтание, безнравственность (наряду со злостным, изобретательским воровством).

Сокрушить эту систему духовного рабства и утвердить новые ценности могло только силовое общественное движение. Этим движением, подобным освежающему сизину в затхлой атмосфере казарм, стал «ингилизм». Именно ему демократические принципы, провозглашенные Герценом, а затем Чернышевским — «духовным отцом» движения, — были пронесены через десятилетия реакции, последовавшей за короткой реформистской «оттепелью», и легли в основу демократической духовной традиции русской интеллигенции, которая, несмотря ни на что, слава богу, жива до сих пор. Собственно, «ингилизм» было очень немногим: точайший слой, цвет мозгов. Но выработанное ими понимание жизни, ценностями которой объяснялись не чины, не состояния, а «сама жизнь», болгарское проявление ее, впервые наполнено византинско-бытие «лицемерного человека» сороковых годов общественного значимым смыслом.

Кропоткин попал в ингилистический кружок (названный по имени одного из участников — Н. В. Чайковского — кружком «чайковцев») сформировавшимся тридцатилетним человеком. Путь его «в ингилизм» можно было бы назвать парадоксальным, если бы сама воля не требовала от лучших своих представителей нетрадиционных, парадоксальных решений.

Известно: на балу в Дворянском собрании, который московская знать устроила в честь двадцатилетия восшествия на престол Николая I, император запретил в карнавальную пропись воссиявшему Петру Кропоткину, и, пригласив его, открыл ему вакансию в Пажеском корпусе — своего рода придворной военной школы, выпускники которой (избранные «счастливцы») могли поступить на службу в любой, по выбору, гвардейский или армейский полк. Более того, как первый ученик класса Кропоткин стал камер-пажем Александра II, «цара-освободителя», принял участие в дворцовых выходах, вполне разделяя тогда то благородное и воссторженное отношение, которое император вызывал к себе у дворянской молодежи своей реформаторской деятельности (своих воспоминаний Кропоткин пишет даже, что если бы в ту пору было совершено на Александра). Но покушение, то он закрыл бы свою грудью). Впрочем, собственно герцогиня Кропоткина не призывали: хотела быть помощницей царя в его преобразованиях, а не царедворицей. И когда в 1862 году подошло преобразование, он признался совершенно безумное, с точки зрения всех, кроме брата Александра, решение — ехать в Сибирь, в Амурское казачье войско.

Торжественно отговаривали его, с у交织的图片

личной программой. Но она противоречила принципу нравственности — уже тем, что не принимала правила игры в «политическое самодержавие», отдававшую лишь «блага народа». (Мечточно пропись, пропись, спустя сто лет спустя, в наши счастливые ноги молода, искренне, честно, искренне, борцовский интерес за всеми послами бражнического «разврата социализма», томя, начавшую в своеобразный «ингилизм»). Но протест оказался в значительной мере подозрительным, именем которого было «чайковчество», а также вспомнившимся патриархальным атавизмом, подавшие эпохи перенесли, помимо разочарованных пынцов и невротиков, лишь нескромно прозентиально-искренних романтиков, больше написавших стихи, да поют, и, исповедавших то сие, не наделили.

Движение «в народ» было скорее вызвано импульсом совести, нежели умом и расчетом, но политический замысел все же присутствовал: вызвать движение «изюса», вынудить правительство создать Земский собор.

Кропоткин работал среди фабричных ткачей в Петербурге под псевдонимом Бородина: рассказывая о Европе, об Интернационале. Через несколько месяцев большая часть пролетариев кружка была арестована, но пресловутый «Бородин», одетый в полуубоин и крестильные сапоги, все еще не соединился в представления полиции с князем Кропоткиным. Жизнь была беззатрат.

Однако одно обстоятельство задерживало Кропоткина в столице: он обещал сделать доклад на собрании Географического общества. Задерка эта, оказавшаяся роковой, принесла, однако, Кропоткину славу иркутского ученика. Его доезд к ленинградскому периоду заставлял наслаждаться витринами и корнилами наследника, как гусей. Однако царь-освободителя революционеры долго трогали. Лишь когда всесильные стали единственным аргументом внутренней политики правительства, след партии «Народная воля» признана целесообразным нанести удар по «центру» — Александру II.

2 апреля 1879 года Александр Соловьев, участник поселения «в народ», стрелял в царя. Александр II не потерялся и зигзагами добежал до ближайшего подъезда, не получив даже царапин. Соловьев скатился и повеслился. Но уже в начале следующего года раздался подготовленный Желобовым и Халтуриным взрыв в Зимнем дворце. Близилось 1 марта 1881...

В своем «Бунтовщике» Кропоткин поддерживал народовольцев, хотя и не одобрил их «заговорщицкой» тактики (тем не менее «Сыщиков дружин», тайной организации русской аристократии, созданной для борьбы с революцией, считая Кропоткина едва ли не руководителем последнего, удалившегося покушения на царя, наложила смертный приговор, осуществивший который помешало только то, что Кропоткин через П. Лаврова был предупрежден Салтыковым-Шедриным о покушении и пообещал отгласить в европейской печати имена подозреваемых убийц и их покровителей). Впрочем, речь не только о тактических разногласиях шла. Терроризм оказался одной из ключевых нравственных и политических проблем XIX и XX веков, которая до сих пор, кажется, не решена однозначно. Сартр готов оправдать «акт чистого насилия» как акт обновления личности от социальных табу. Достоевский за долго до Сартра угнал в терроризме «бесовину» — нравственное зло обесценивания человеческой жизни.

Кропоткин стоял же категоричным быть не может, он в конце концов за насилие-изменение порядка вещей, но он же и против. На анархистском конгрессе 1881 года, в ходе которого была провозглашена «тактика прямого действия» — от тридцати со своими единомышленниками и друзьями, убеждая их включить в документы съезда определение революционной морали, которое, как ему казалось, остерегает революционеров от «перелогов».

Сильно уставший после выступления, Кропоткин вернулся к себе на квартиру, уже находившуюся под наблюдением. Скег бумаги, надеясь уйти на следующий день, в сумерках. Черный ходом вышел на улицу, взял извозчика. Уже на Невском его догнала прохлопка. Он обернулся, увидел знакомое лицо одного из ткачей. Его скатили.

В одиноке Трубецкого бастиона Петропавловской крепости его посетил один из великих князей, пристыдил:

— Как же ты так, князь?

Кропоткин отказался давать показания.

На этом замахнулся «народнический» период жизни Кропоткина. Бежав из тюрьмы и оказавшись за границей, он примирился с анархистским движением, стал пропагандистом Бакунина теоретиком «беззастенчатого социализма».

Почему-то об анархии Кропоткин и вообще об анархии в революционном движении многие наши историки рассказывают с какой-то конфузливой иронией, как о своем долге политической неприменимости, которую избегают в теории, направленной на практику. Кропоткин, например, пишет: «Анархия — наиболее радикальная из всех теорий социального социализма — была поначалу серьезным соперником социализма научного, по-своему, и иногда продуктивно, разрешавшим противоречия революционной теории и практики. Интуитивно анархисты нашли очень важную проблему — проблему психологии власти, но решить ее диалектически не смогли. Они считали, что любая власть, в особенности выступающая от имени народа, есть зло, чреватое страшными последствиями. «Но пародия отнюдь не будет легче, если папка, которой его будут бить, будет называться папкой народной...» — пишет еще Бакунин.

ГЕРЦЕН, ненавидевший деспотизм, в революции все же склонен был усматривать неенную историческую аномалию, которая насторожила и, пожалуй, отпустила его. Нельзя было от свободы в наружной жизни больше, чем они, предсторегая от попыток «белого духа» переворота, «который из всего былоя в напитке сделает скучную мастерскую, которой вся выгоды будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании». Примечательно, что отношение к социализму как к багадельям, идущим от первых коммунистов-утопистов, так жеочно укоренилось в сознании людей, что и в сей день главную задачу нового строя многие видят в обеспечении равных для всех денежных социальных благ, а вовсе не в выравнивании экономических и духовных сил общества.

Герцен пишет: «Я виду слишком много свободных людей, я не виду свободных людей. Стой — начнем с того, чтобы освободить себя».

Он писал свою последнюю книгу в Дмитрове — голодной провинции жесточайшей гражданской войны, которая когда-либо потрясла землю, — сидя без дров, без света, по памяти цитируя великих философов прошлого, до того самого дня, когда холода двинут первым годом ворвались в него крупным воспалением легких. Он верил, что только ЛИЧНОЕ нарушение законов добра, личная, не по принуждению, нравственность может быть основой духовной эволюции человечества. Называлась книга — «Этика».

Эпоха культа уничтожила не только живых революционеров, но и память о тех, чья жизнь была одновременно и вызовом к новому, еще неизвестному. А Кропоткин почти весь — в веке девятнадцатом, и надеждой. Кропоткина не скинули совсем как корабля истории — сохранили как ученого-географа в усеченном, неизвестном виде. Имя сохранили.

И все же вспоминают сегодня о нем, даже под видом воздаяния исторической справедливости, как бы странно: с недавними бы прошлым разобраться, с тем, что еще болит, еще памято! А Кропоткин почти весь — в веке девятнадцатом, и надеждой. Кропоткина не скинули совсем как грандиозными историческими потрясениями. Отчужденность эта минимална, конечно, но дело даже не в этом. Нравственная энергия нескольких сот революционеров-народников, к которым принадлежал и Петр Кропоткин, десятилетия подпитывала «двигателя прогресса» русского общества. Может быть, нам важнее поучиться дерзости и мужеству у этой горстки в каждом собеседнике уникальную личность, за цельность натуры и естественное следование тем принципам, которые он предписывал другим. Его дом в Брайтоне (как прежде дом Герцена в Лондоне) был самым многоголосым эмигрантским гнездом в Англии. Птицами по его обитанию писали философ Г. Спенсер и астроном К. Флемминг, поэт А. Суливер, В. Гюго, сотрудник Французской академии наук Жюль Верн вывел его в образе Кау-джея, героя романа «Норабль-крушение Диомедата», а клятвотворительный стратег книги «Рубаки-крушение Диомедата» Р. Портер Кропоткина напоминает здесь другого своего современника — Германа Лопатина. Поражает даже не внешнее сходство, а внутренний единичный мотив: монументальность фигуры, спокойствие, заключающее в себе энергию неукротимого порыва.

Именно «личность» Кропоткина, который даже его идея оппонентов побуждал обращаться к нему как моральному авторитету, позволила ему выстоять в тот переворотный момент, когда революционные потрясения обратили в ничто ряд блестательных в оные годы фигур, пытающихся реализовать на авансцене истории свою политические амбиции. Кропоткину удалось сохранить достоинство борца — хотя и он ошибился, ошибился же сток...

На Государственном совещании в Москве он — за несколько месяцев до Октября — наивно, хотя и искренне, призывал собравшихся к классовому миру во имя революции. Вспоминая о совещании, Троцкий саркастически отметил, что выступление князя-бунтовщика было очень тепло встречено правыми, среди которых находился, кстати, его дальний родственник, тоже Кропоткин, представлявший союз консерваторов.

Именно «личность» Кропоткина, который даже его идея оппонентов побуждал обращаться к нему как моральному авторитету, позволила ему выстоять в тот переворотный момент, когда революционные потрясения обратили в ничто ряд блестательных в оные годы фигур, пытающихся реализовать на авансцене истории свою политические амбиции. Кропоткину удалось сохранить достоинство борца — хотя и он ошибился, ошибился же сток...

На Государственном совещании в Москве он — за несколько месяцев до Октября — наивно, хотя и искренне, призывал собравшихся к классовому миру во имя революции. Вспоминая о совещании, Троцкий саркастически отметил, что выступление князя-бунтовщика было очень тепло встречено правыми, среди которых находился, кстати, его дальний родственник, тоже Кропоткин, представлявший союз консерваторов.

Именно «личность» Кропоткина, который даже его идея оппонентов побуждал обращаться к нему как моральному авторитету, позволила ему выстоять в тот переворотный момент, когда революционные потрясения обратили в ничто ряд блестательных в оные годы фигур, пытающихся реализовать на авансцене истории свою политические амбиции. Кропоткину удалось сохранить достоинство борца — хотя и он ошибился, ошибился же сток...

На Государственном совещании в Москве он — за несколько месяцев до Октября — наивно, хотя и искренне, призывал собравшихся к классовому миру во имя революции. Вспоминая о совещании, Троцкий саркастически отметил, что выступление князя-бунтовщика было очень тепло встречено правыми, среди которых находился, кстати, его дальний родственник, тоже Кропоткин, представлявший союз консерваторов.

Именно «личность» Кропоткина, который даже его идея оппонентов побуждал обращаться к нему как моральному авторитету, позволила ему выстоять в тот переворотный момент, когда революционные потрясения обратили в ничто ряд блестательных в оные годы фигур, пытающихся реализовать на авансцене истории свою политические амбиции. Кропоткину удалось сохранить достоинство борца — хотя и он ошибился, ошибился же сток...

На Государственном совещании в Москве он — за несколько месяцев до Октября — наивно, хотя и искренне, призывал собравшихся к классовому миру во имя революции. Вспоминая о совещании, Троцкий саркастически отметил, что выступление князя-бунтовщика было очень тепло встречено правыми, среди которых находился, кстати, его дальний родственник, тоже Кропоткин, представлявший союз консерваторов.

Именно «личность» Кропоткина, который даже его идея оппонентов побуждал обращаться к нему как моральному авторитету, позволила ему выстоять в тот переворотный момент, когда революционные потрясения обратили в ничто ряд блестательных в оные годы фигур, пытающихся реализовать на авансцене истории свою политические амбиции. Кропоткину удалось сохранить достоинство борца — хотя и он ошибился, ошибился же сток...

На Государственном совещании в Москве он — за несколько месяцев до Октября — наивно, хотя и искренне, призывал собравшихся к классовому миру во имя революции. Вспоминая о совещании, Троцкий саркастически отметил, что выступление князя-бунтовщика было очень тепло встречено правыми, среди которых находился, кстати, его дальний родственник, тоже Кропоткин, представлявший союз консерваторов.

Именно «личность» Кропоткина, который даже его идея оппонентов побуждал обращаться к нему как моральному авторитету, позволила ему выстоять в тот переворотный момент, когда революционные потрясения обратили в ничто ряд блестательных в оные годы фигур, пытающихся реализовать на авансцене истории свою политические амбиции. Кропоткину удалось сохранить достоинство борца — хотя и он ошибился, ошибился же сток...

На Государственном совещании в Москве он — за несколько месяцев до Октября — наивно, хотя и искренне, призывал собравшихся к классовому миру во имя революции. Вспоминая о совещании, Троцкий саркастически отметил, что выступление князя-бунтовщика было очень тепло встречено правыми, среди которых находился, кстати, его дальний родственник, тоже Кропоткин, представлявший союз консерваторов.

Именно «личность» Кропоткина, который даже его идея оппонентов побуждал обращаться к нему как моральному авторитету, позволила ему выстоять в тот переворотный момент, когда революционные потрясения обратили в ничто ряд блестательных в оные годы фигур, пытающихся реализовать на авансцене истории свою политические амбиции. Кропоткину удалось сохранить достоинство борца — хотя и он ошибился, ошибился же сток...

На Государственном совещании в Москве он — за несколько месяцев до Октября — наивно, хотя и искренне, призывал собравшихся к классовому миру во имя революции. Вспоминая о совещании, Троцкий саркастически отметил, что выступление князя-бунтовщика было очень тепло встречено правыми, среди которых находился, кстати, его дальний родственник, тоже Кропоткин, представлявший союз консерваторов.

Именно «личность» Кропоткина, который даже его идея оппонентов побуждал обращаться к нему как моральному авторитету, позволила ему выстоять в тот переворотный момент, когда революционные потрясения обратили в ничто ряд

УРОКИ ДЕМОКРАТИИ

УСЛЫШАТЬ ГОЛОС КАЖДОГО

С ГЛАСНОСТЬЮ у нас сейчас хорошо. Все формы выражения собственного мнения теперь доступны — хватает демонстраций и митингов.

У нас со слышимостью плохо. Выслушивать чужое мнение мы не умеем. Или это тоже — не хотим. И подчас не позаинешь тому, что на собрании или митинге решится выразить собственное мнение, если оно отличается от мнения зала. Вывод, что и слушать не станут — освистают, зааплодируют, найдут любой способ для обструкции.

Поэтому, три с небольшим года — малый срок для прохождения полного курса непростой науки гласности. Эмоции, переходящие порой в энтузиастическую эйфорию, не дают возможности услышать, значит, и понять друг друга, выработать конструктивное решение.

Нам уже доводилось писать, что в Латвии, где проживают представители 109 наций и народов, практические все проблемы — экономические, социальные, экологические, культурные — рассматриваются сквозь призму непростых национальных и межнациональных проблем. И это общемирово понятно, как понятно и то, что решить все эти сложные, тесные, колышущиеся вопросы можно лишь усилиями всех проживающих в республике независимо от их национальной принадлежности. Однако вскоре мы вспоминаем такой факт: недавний учредительный съезд Народного фронта Латвии предложил винить за все, что было высказано иную точку зрения, чем большинство собравшихся. А потом эти депутаты стали активистами создающегося сейчас альтернативного Интерфронта.

Конечно же, мы далеки от утверждения, что только нежелание — выслушать, обсудить мнение четырех или тысяч из лишними делегатами того съезда стало основной мотивацией создания нового общественного движения. Но все же, все же... И не покидает нас недоумение: ведь так скажи их программы и стиль непримиримы они сами. С обеих сторон — никакого желания выслушать, найти точки соприкосновения, объединить усилия в поддержку перестройки, которую оба декларируют. Это плохо. Но хуже другое: тенденция к разделению по национальному признаку, обозначавшаяся сегодня.

Объединенные сложившимися положением, Президентом Верховного Совета ЛССР и ЦК Компартии Латвии поддержаны идеи, высказанную национальным поэтом республики Янисом Петерсом: провести форум народов Латвии — пусть представители всех национальных групп с открытой трибуны обнародуют напоницшиеся свои проблемы. И не менее важно было здесь другое: создать условия, чтобы люди могли не только говорить, но и слушать друг друга.

Да, недавно было собрано в оргкомите людей с различными точками зрения, а. КАМЕНЕВ, З. ГОВОРУШКО. (Наши спец. корр.)

НА ФОТОКОНКУРС

П. Неченко, «Спокойствие»

объединить их идеей форума. Нелегко было создать и проработать документы, сформулировать намерения, требований, цели, общие для подавляющего большинства населения республики. Однако отметим, что все проекты документов были принятые единогласно всеми членами оргкомитета, в который вошли счищие 50 человек — ученые, юристы, авторитетные общественные деятели республики, полтора месяца работавшие под руководством Председателя Президиума Верховного Совета ЛССР А. Горбунова.

ГРАДЕЙ Армении сплотила весь народ нашей страны, борьбу и сочувствие отдавалась она в сердцах народов Советской Латвии, всех делегатов форума. По их запросам в течение двух дней работали компетентные лица давали справки, как помогает республики пострадавшим. Скажем только, что и концу форума стало известно: в республике собрано около двух миллионов рублей, в Армению улетели специалисты-медики, строители, отправлены медикаменты, продукты, теплая одежда. Значительную сумму собирали и делегаты.

Докладчики оргкомитета — ученые, юристы, писатели, публицисты — проанализировали основные проблемы развития республики, предложили конструктивные решения нарашивших национальных, экономических, общественно-политических, экологических и социальных вопросов, призвали и консолидировать всех народов Латвии.

Представляем, сами видите, как непросто было создать в зале атмосферу взаимопонимания. Чтобы свыше 900 делегатов, представлявших людей всех наций, народностей и этнических групп, насилияющихся Латвию, фактически впервые собрались вместе, осознавали общность исторических судьб и интересов, общность тревог и перспектив. Чтобы не захлестнула волна эмоций, в которой не раз уже тонула страна, — спросили мы на пресс-конференции Председателя Президиума Верховного Совета А. Горбунова:

— Да, определась, — ответил Анатолий Валерьевич. — Форум народов Латвии — это еще далеко не полная консолидация. Это лишь первый шаг. Наработка критики на первом заседании о себе, едва ли не перестройка пошире, открыла каналы различных контактов с Западом, а том, что сейчас разработку документов и подготовку к предстоящемуplenуму ЦК КПСС о совершенствовании межнациональных отношений в СССР.

Да, только шаг, но он сделан. И проигнорировать его, не услышать стремление народа к единению уже нельзя. Об этом стоит задуматься всем, в том числе и некоторым антисталинистам из обоих фронтов и других движений, для которых, как нам кажется, межнациональная разница является лишь способом привлечения внимания, а не сама по себе.

Скорее наоборот: как видится, «материнский разнос» начался в пропагандистскую сторону; и то, что еще вчера рисовалось как непролазно черное, сегодня вдруг засияло белизной непорочной женственности. Что ж, до критики, то она независима, то ее, рожденную искусство, можно воспринимать как перенос амбиций авангардного духа и сенсационность неспособности обходиться от стереотипов.

При этом многие как-то все больше упускают из виду, что уже в самом этом пропагандистском «Западе и коммерческой шоу-индустрии» как раз отчетливо проступает зеркальное сходство с нашей скромной восприятии Запада, сформировавшемся в 70-е, то есть в самых застойных и коррумпированных годах. Суть этого восприятия — отображение всего многообразия цивилизации исключительно с ее потребительско-развлекательной стороны. Тайная зависть, с которой народко противостоят самым людям, что произносят вслух демурные фразы о будущем разложении искусства, воспроизведение резонансных явлений на экранах телевизоров, где мы усваиваем приобрести аппаратуру «Сони» и сверхзвуковые

стремлениями

Естественно, можно понять и накопившееся в этой связи раздражение, и нежелание развязывающейся подобной почвы. Но ужасы пропагандистского плода, желание отдать того, от чего нас усиленно предостерегают. Именно этот комплекс язвил о себе, едва ли не перестройка пошире, открыла каналы различных контактов с Западом, а том, что сейчас разработку документов и подготовку к предстоящемуplenуму ЦК КПСС о совершенствовании межнациональных отношений в СССР.

Да, только шаг, но он сделан.

И проигнорировать его,

не услышать стремление народа к единению уже нельзя.

Об этом стоит задуматься всем, в том числе и некоторым антисталинистам из обоих фронтов и других движений, для которых, как нам кажется, межнациональная разница является лишь способом привлечения внимания, а не сама по себе.

Скорее наоборот: как видится, «материнский разнос» начался в пропагандистскую сторону; и то, что еще вчера рисовалось как непролазно черное, сегодня вдруг засияло белизной непорочной женственности. Что ж, до критики, то она независима, то ее, рожденную искусством, можно воспринимать как перенос амбиций авангардного духа и сенсационность неспособности обходиться от стереотипов.

При этом многие как-то все больше упускают из виду, что уже в самом этом пропагандистском «Западе и коммерческой шоу-индустрии» как раз отчетливо проступает зеркальное сходство с нашей скромной восприятии Запада, сформировавшемся в 70-е, то есть в самых застойных и коррумпированных годах. Суть этого восприятия — отображение всего многообразия цивилизации исключительно с ее потребительско-развлекательной стороны. Тайная зависть, с которой народко противостоят самым людям, что произносят вслух демурные фразы о будущем разложении искусства, воспроизведение резонансных явлений на экранах телевизоров, где мы усваиваем приобрести аппаратуру «Сони» и сверхзвуковые

стремлениями

Естественно, можно понять и накопившееся в этой связи раздражение, и нежелание развязывающейся подобной почвы. Но ужасы пропагандистского плода, желание отдать того, от чего нас усиленно предостерегают. Именно этот комплекс язвил о себе, едва ли не перестройка пошире, открыла каналы различных контактов с Западом, а том, что сейчас разработку документов и подготовку к предстоящемуplenуму ЦК КПСС о совершенствовании межнациональных отношений в СССР.

Да, только шаг, но он сделан.

И проигнорировать его,

не услышать стремление народа к единению уже нельзя.

Об этом стоит задуматься всем, в том числе и некоторым антисталинистам из обоих фронтов и других движений, для которых, как нам кажется, межнациональная разница является лишь способом привлечения внимания, а не сама по себе.

Скорее наоборот: как видится, «материнский разнос» начался в пропагандистскую сторону; и то, что еще вчера рисовалось как непролазно черное, сегодня вдруг засияло белизной непорочной женственности. Что ж, до критики, то она независима, то ее, рожденную искусством, можно воспринимать как перенос амбиций авангардного духа и сенсационность неспособности обходиться от стереотипов.

При этом многие как-то все больше упускают из виду, что уже в самом этом пропагандистском «Западе и коммерческой шоу-индустрии» как раз отчетливо проступает зеркальное сходство с нашей скромной восприятии Запада, сформировавшемся в 70-е, то есть в самых застойных и коррумпированных годах. Суть этого восприятия — отображение всего многообразия цивилизации исключительно с ее потребительско-развлекательной стороны. Тайная зависть, с которой народко противостоят самым людям, что произносят вслух демурные фразы о будущем разложении искусства, воспроизведение резонансных явлений на экранах телевизоров, где мы усваиваем приобрести аппаратуру «Сони» и сверхзвуковые

стремлениями

Естественно, можно понять и накопившееся в этой связи раздражение, и нежелание развязывающейся подобной почвы. Но ужасы пропагандистского плода, желание отдать того, от чего нас усиленно предостерегают. Именно этот комплекс язвил о себе, едва ли не перестройка пошире, открыла каналы различных контактов с Западом, а том, что сейчас разработку документов и подготовку к предстоящемуplenуму ЦК КПСС о совершенствовании межнациональных отношений в СССР.

Да, только шаг, но он сделан.

И проигнорировать его,

не услышать стремление народа к единению уже нельзя.

Об этом стоит задуматься всем, в том числе и некоторым антисталинистам из обоих фронтов и других движений, для которых, как нам кажется, межнациональная разница является лишь способом привлечения внимания, а не сама по себе.

Скорее наоборот: как видится, «материнский разнос» начался в пропагандистскую сторону; и то, что еще вчера рисовалось как непролазно черное, сегодня вдруг засияло белизной непорочной женственности. Что ж, до критики, то она независима, то ее, рожденную искусством, можно воспринимать как перенос амбиций авангардного духа и сенсационность неспособности обходиться от стереотипов.

При этом многие как-то все больше упускают из виду, что уже в самом этом пропагандистском «Западе и коммерческой шоу-индустрии» как раз отчетливо проступает зеркальное сходство с нашей скромной восприятии Запада, сформировавшемся в 70-е, то есть в самых застойных и коррумпированных годах. Суть этого восприятия — отображение всего многообразия цивилизации исключительно с ее потребительско-развлекательной стороны. Тайная зависть, с которой народко противостоят самым людям, что произносят вслух демурные фразы о будущем разложении искусства, воспроизведение резонансных явлений на экранах телевизоров, где мы усваиваем приобрести аппаратуру «Сони» и сверхзвуковые

стремлениями

Естественно, можно понять и накопившееся в этой связи раздражение, и нежелание развязывающейся подобной почвы. Но ужасы пропагандистского плода, желание отдать того, от чего нас усиленно предостерегают. Именно этот комплекс язвил о себе, едва ли не перестройка пошире, открыла каналы различных контактов с Западом, а том, что сейчас разработку документов и подготовку к предстоящемуplenуму ЦК КПСС о совершенствовании межнациональных отношений в СССР.

Да, только шаг, но он сделан.

И проигнорировать его,

не услышать стремление народа к единению уже нельзя.

Об этом стоит задуматься всем, в том числе и некоторым антисталинистам из обоих фронтов и других движений, для которых, как нам кажется, межнациональная разница является лишь способом привлечения внимания, а не сама по себе.

Скорее наоборот: как видится, «материнский разнос» начался в пропагандистскую сторону; и то, что еще вчера рисовалось как непролазно черное, сегодня вдруг засияло белизной непорочной женственности. Что ж, до критики, то она независима, то ее, рожденную искусством, можно воспринимать как перенос амбиций авангардного духа и сенсационность неспособности обходиться от стереотипов.

При этом многие как-то все больше упускают из виду, что уже в самом этом пропагандистском «Западе и коммерческой шоу-индустрии» как раз отчетливо проступает зеркальное сходство с нашей скромной восприятии Запада, сформировавшемся в 70-е, то есть в самых застойных и коррумпированных годах. Суть этого восприятия — отображение всего многообразия цивилизации исключительно с ее потребительско-развлекательной стороны. Тайная зависть, с которой народко противостоят самым людям, что произносят вслух демурные фразы о будущем разложении искусства, воспроизведение резонансных явлений на экранах телевизоров, где мы усваиваем приобрести аппаратуру «Сони» и сверхзвуковые

стремлениями

Естественно, можно понять и накопившееся в этой связи раздражение, и нежелание развязывающейся подобной почвы. Но ужасы пропагандистского плода, желание отдать того, от чего нас усиленно предостерегают. Именно этот комплекс язвил о себе, едва ли не перестройка пошире, открыла каналы различных контактов с Западом, а том, что сейчас разработку документов и подготовку к предстоящемуplenуму ЦК КПСС о совершенствовании межнациональных отношений в СССР.

Да, только шаг, но он сделан.

И проигнорировать его,

не услышать стремление народа к единению уже нельзя.

Об этом стоит задуматься всем, в том числе и некоторым антисталинистам из обоих фронтов и других движений, для которых, как нам кажется, межнациональная разница является лишь способом привлечения внимания, а не сама по себе.

Скорее наоборот: как видится, «материнский разнос» начался в пропагандистскую сторону; и то, что еще вчера рисовалось как непролазно черное, сегодня вдруг засияло белизной непорочной женственности. Что ж, до критики, то она независима, то ее, рожденную искусством, можно воспринимать как перенос амбиций авангардного духа и сенсационность неспособности обходиться от стереотипов.

При этом многие как-то все больше упускают из виду, что уже в самом этом пропагандистском «Западе и коммерческой шоу-индустрии» как раз отчетливо проступает зеркальное сходство с нашей скромной восприятии Запада, сформировавшемся в 70-е, то есть в самых застойных и коррумпированных годах. Суть этого восприятия — отображение всего многообразия цивилизации исключительно с ее потребительско-развлекательной стороны. Тайная зависть, с которой народко противостоят самым людям, что произносят вслух демурные фразы о будущем разложении искусства, воспроизведение резонансных явлений на экранах телевизоров, где мы усваиваем приобрести аппаратуру «Сони» и сверхзвуковые

стремлениями

Естественно, можно понять и накопившееся в этой связи раздражение, и нежелание развязывающейся подобной почвы. Но ужасы пропагандистского плода, желание отдать того, от чего нас усиленно предостерегают. Именно этот комплекс язвил о себе, едва ли не перестройка пошире, открыла каналы различных контактов с Западом, а том, что сейчас разработку документов и подготовку к предстоящемуplenуму ЦК КПСС о совершенствовании межнациональных отношений в СССР.

Да, только шаг, но он сделан.

И проигнорировать его,

не услышать стремление народа к единению уже нельзя.

Об этом стоит задуматься всем, в том числе и некоторым антисталинистам из обоих фронтов и других движений, для которых, как нам кажется, межнациональная разница является лишь способом привлечения внимания, а не сама по себе.

Скорее наоборот: как видится, «

ОТКРЫТОСТЬЮ НА ОТКРЫТОСТЬ

отвечает весь мир в этот трудный для Советской Армении час...

ПРЕДМЕТОМ нынешне публикуемого обзора является анализ откликов международной прессы, других средств массовой информации на трагическое стихийное бедствие, обрушившееся на Советскую Армению. Как неизменно проходит мысль, что, сколь бы могущественным и развитым ни было государство, исключительно его собственные ресурсы не преодолевают последствий стихийного бедства подобных масштабов в любом случае нехватка бед. Поэтому Советский Союз поступил совершенно правильно, сговарившись принять широкую международную помощь: ведь землетрясение в Армении — одно из самых разрушительных на протяжении веков... «Землетрясение происходит в этих районах на протяжении многих лет. Но подобные по силе толчки в Армении не наблюдалось более тысячи лет», — передает корреспондент американской телекомпании Эй-би-си П. Кент. — Местные жители, видимо, не верили, что с ними может случиться беда. Но случайно пакистанская газета «Эъжанлык» внесла катастрофу в Армении в список самых разрушительных землетрясений мира, опубликовав его на своих страницах. Согласно этому списку-таблице, наиболее страшные из подобных бедствий произошли в 1920 и 1976 годах в КНР, когда погибли соответственно 200 и 242 тысячи человек. Землетрясение в Мексике, произшедшее три года назад, повлекло гибель 10 тысяч человек, ибо в результате мексиканской катастрофы родились также новые идеи по поводу спасения жертв землетрясения... — замечает американский журнал «Ньюсити». — Сейчас работающие в Армении должны воспользоваться этим уроками.

Вот почему пресса много внимания уделяет чисто технической стороне спасательных работ. И в свою очередь, сейчас в Армении неминуемо самостойких оказались новые здания из бетона. «Многие здания в Армении построены из неармированного бетона, которые во время землетрясения обычно оседают этап за этапом», — говорит Фредерик Кримгольд, помощник декана факультета архитектурных и городских исследований Политехнического института штата Фордхэм. — Пример. Мексиканцы показали, что самый лучший метод — это вести себя в рушившихся зданиях так, будто это естественная пещера: спасатели должны пользоваться мелкими ручными инструментами и отбивными молотками, разбить развалины надо по горизонтали, а не по вертикали.

По мнению Кримгольда, тяжелая техника также не всегда годится в таких случаях в силу своей неповоротливости: «Краны полезны для разборки завалов, но использовать их для спасения тех, кто может быть, остался в живых... — это все равно, что использовать 200-тонный кран для нефрэктомической операции: ведь развалы зданий могут разрушить и раздавить людей...»

«Трагедия Армении еще раз напомнила о том, что нельзя в целях экономии средств возводить

недостаточно прочные строения в районах, где существует опасность возникновения стихийных бедствий... — будь то окантовка побережья США, открытые для ураганов, или сейсмически опасные области Мексики, СССР, других стран», — заметил комментатор телепрограммы ЦДФ (ФРГ).

О ЧИСТО технических вершинах и урокам краинственных, моральных. Наши коллеги за рубежом единодушны в одном: удивительная общечеловеческая солидарность, сопротивление и милосердие к народу, попавшему в беду, трогают своим беспрецедентным масштабами и одновременно заставляют еще раз задуматься о том, как важно нам, жителям планеты Земля, в трудный час быть всем вместе...

«Представители иностранных организаций по оказанию помощи говорят, что совместные усилия по ликвидации последствий землетрясения — еще одно доказательство того, что люди могут и должны жить в мире», — подчеркивает корреспондент американской телекомпании Эй-би-си Дж. Кинг.

«Наши сердца с армянским народом, с советским народом в целом, и мы делаем все, что можем... — эти слова президента американского консорциума Джеймса Гиффена, думается, в полной мере отражают чувства миллиардов людей на Земле, откликнувшихся на беду Армении.

Японская «Сенсэй симбуни» пишет в редакционной статье: «Поражает активная деятельность социалистических стран, в тонкое — что весьма немедленно — США, Англию, Францию, других западных государств в деле оказания помощи пострадавшим от землетрясения. Это является проявлением гуманизма, перешагнувшего государственные границы и различия в идеологии.

Лондонская газета «Таймс» приходит к выводу: «Мир правильно поступил, откликнувшись на катаклизму с такой быстрой и щадящей...

В своем очереди средства массовой информации США подчеркивают, что еще никогда со времен второй мировой войны в стране не было такого стремления помочь Советскому Союзу. В этом видят здесь реальное проявление изменения характера отношений между двумя странами. После встречи с послом СССР в США Ю. Дубининым, на которой были обсуждены вопросы деятельности оперативной группы по координации помощи при госдепартаменте, госсекретарь США Шульц заявил, что «такого рода сотрудничество между двумя странами стало возможно только при Горбачеве».

ТАКИМ образом, мы подошли к еще одному немаловажному аспекту обсуждаемой темы: в какой степени обусловлена реакция за рубежом на природную катастрофу изменяющейся облигации

Советского Союза, реальная направленность сегодняшней нашей внутренней и внешней политики? Думается, вполне объективный ответ на этот вопрос содержится в комментарии французской телекомпании «Ф-1»: «беда армянского народа стала общей бедой Советского Союза. СССР также впервые широко открыл свои границы для приема международной помощи. Тем самым на деле проявляются идеи, высказанные советским руководителем с трибуны ООН: международное сообщество неделимо, в беде должна быть пролегла международная солидарность».

Так же самую мысль подчеркивает газета «Нью-Йорк таймс»: «С точки зрения многих наблюдателей, помощь из-за рубежа готовность русских принять ее представляют собой совершенно очевидное изменение в подходе Кремля к вопросу об отношениях с другими странами».

В программах французской телекомпании «Антенн-2» выступает только что вернувшийся из Советского Союза международный юрист С. Пизэр. «Трудности есть, но впервые вижу такую открытость со стороны СССР, такую быстроту в принятии решений. До предела упрощены формальности с получением виз, нет ненужной прописки документов», — признал С. Пизэр.

А вот что рассказал телепрограммам корреспондент телекомпании Эй-би-си Дж. Маккути: «Обычно американские военные самолеты не разрешаются пролетать над советской территорией, если в их кабинках не находится один из советских штурманов, который следит за тем, чтобы самолет не отклонился от намеченного маршрута и не стал фотографировать секретные объекты. Теперь американские военные самолеты ходят в воздушное пространство СССР без советских штурманов на борту практически ежедневно. И когда группы спасателей прибывают на место, то, по словам одного из них, «советские власти оказывают помощь при прохождении членов групп и собак через таможню». В некоторых случаях прибывающие иностранные специалисты и пилоты не имели даже виз, и их тепло встретили. Это совсем иная, чем прежде, ситуация со здоровьем атмосферой, говорящей о том, что перонд комплексов в Советском Союзе прошел не только в плане общения с внешним миром, но и в отношении того, чтобы стать частью этого внешнего мира».

Печать и телевидение разных стран отмечают, что политика гласности убедительно проявляет себя в этих трагических для советского народа днях. Руководство тут же сообщило людям о подлинных масштабах трагедии, советские люди помогают жертвам землетрясения, основываясь на свободе выбора, во вскоре знания, то велению собственной совести. «Открытая и широкое обсуждение советской общественностью событий в Армении — яркое свидетельство политики гласности в СССР», — пишет лондонская «Санди таймс». Западная печать обращает внимание на

допуск зарубежных корреспондентов к местам бедствия, а также на «грандиозный поворот в мае» — освещение катастрофой советской прессы, «Пресса публикует более подробные и более критичные сообщения, чем ранее», — замечает московский корреспондент «Шашингтон пост» Д. Реммин. — Фотографы ТАСС быстро сняли западные газеты и телевидение многочисленными снимками, запечатлевшими истинную картину бедствия. Подобный отход от былого увлечения секретностью блефует на 많은е самим снимкам.

Примечательно в этой связи выезд, к которому приходит московский корреспондент лондонской газеты «Гарднер» Дж. Стил: «Разница в освещении первых дней после аварии в Чернобыле и катастрофы в Армении дает наглядное представление о том пути, который под руководством Горбачева в стране прошел за последние 30 месяцев».

Начиная свой рапорт о кратком экскурсе в историю, корреспондент телекомпании Си-би-эс Б. Мортон сообщил зрителям: «В 1948 году при Сталине в результате землетрясения погибли более 100 тысяч человек. Все это держали в тайне... Но этот раз все было иначе. Ни этот раз они показали нам свое горе и позывали разделить его с нами». Выступая в Нью-Йорке, Горбачев призвал планету совместно решать свои проблемы. Это время пришло. Мир не возмущен сразу на руинах Ленинграда и Спитака. Но мы видели не боль, пытались ответить на неизримые. Тяжелым силам, будущим разделить нас после этого...»

В корреспонденциях из разных стран отмечается новый стиль работы советских заграницурядчиков: в эти трудные для нашей страны дни. Отбравшие многие бытовавшие ранее бюрократические ограничения, вся информация о бедствии имеет конкретный, открытый характер. В качестве примера сошлось на описание лондонской прессы: «В этот раз все было иначе. Ни этот раз они показали нам свое горе и позывали разделить его с нами». Выступая в Нью-Йорке, Горбачев призвал планету совместно решать свои проблемы. Это время пришло. Мир не возмущен сразу на руинах Ленинграда и Спитака. Но мы видели не боль, пытались ответить на неизримые. Тяжелым силам, будущим разделить нас после этого...»

В заключении обзора хотелось бы привести вот такие слова из комментария телепрограммы АРД (ФРГ): «Трагедия Армении в полной мере показала, с одной стороны, новую грань советской политики гласности и открытости; с другой — значительный рост симпатий народа всего мира к СССР».

От правительства, общественных организаций, частных лиц из самых разных точек планеты продолжают поступать добровольческие помочь в Армению. Мир, откликнувшийся на зов, един в своем человеческом восприятии нашей боли и трагедии.

Обзор подготовлен
Б. ЮНАНОВ.

Армянская ССР. Этот грузовик с помощью для пострадавших от землетрясения направил Францию — одно из 53-х стран мира, откликнувшихся на беду...

Фото В. Киселева.

ИЗ АМЕРИКАНСКОГО БЛОКНОТА

ПРОЩАЯСЬ С НЬЮ-ЙОРКОМ...

ЕСТЬ РАСКОЖАЯ бандальность, Нью-Йорк — город контрастов. Это, конечно, верно, как верно и то, что «Москва — порт пятн морей». Но все же... Нет спору, богатство, в этом великом городе лучше, чем будничные, которых и в самом деле немало, и спас они прям на тротуарах, завернувшись в целлофановые машины для мусора. Бессспорно и то, что Пятая авеню весьма отличается от грязных кварталов Гарлема. Не поспорим с тем, что метро у нас богаче и безопаснее, а также с тем, что в Центральном парке вечером лучше не показываться — почти наверняка пополнешь начальник полицейской синдинги по разряду обраблений, если не хуже. Как ни позорищай, ольть же banality — хамские джунгли.

И, признаюсь, впервые ступая на нью-йоркскую землю в аэропорту Кеннеди, я испытывал нечто вроде тревоги или даже страха перед этим городом: ведь столько лет нам показывали лишь зло, лишь черное, только враждебное... Помни, как одни (да и только ли он) почтенный телекоммюникатор, внесший свой достойный вклад в усовершенствование рефрижератора «холодной войны», очень гневно говорил о «бесбре-бах»: дескать, человек подавлен бездушными громадами бизнеса. Да и само слово «бизнес» звучало как нечто ставинников.

Но времена меняются. Минувший и лаконичный телекоммюникатор, и сейчас они уже не бичуют, как прежде, извоз, а в «Международной панораме» с тем же энтузиазмом показывают нам, как мы отстали от Запада. Передача эта стала как бы прямой противоположностью «Проекторов» перестройки с его проблемами. Думай, скажи, верь в плохом, что это плохое, но хорошее не устанешь, не прятать от соотечественников, как от несмысливых причуд спички. Ахос, не сторопь. И правду старшим, если столько лет терпели ложь.

Так вот я о хорошем. О том хорошем, что увидел в Нью-Йорке в эти предновогодние дни. Откровенен для меня стали те самые небоскребы. Как стеклянные кристаллы, они текутся на Манхэттене, образуя невиданные урбанистические высокогорья. Словно газ в прозрачных энзиталиях, в них колышется небесная голубизна, облака вплетают в них, насквозь пересекая, и плывут себе дальше, к окну.

Нью-Йорк вечерний — это феерия огней и цвета, за ночь гигант синеет электричество больше, чем наши государства за сутки. Вершины небоскребов подсвечены прожекторами: знаменитый «Эмпайр стейт билдинг», «Либерти зеус», «Крайслер» и никошниковские по-американски, «Блан-Ам билдинг», «Бесмирный» — это близнец за 110 этажей. Со 107-го этажа одного из них Михаил Сергеевич Горбачев и Ранис

Максимова «некоторолько дней» назад любовался панорамой Нью-Йорка...

И вот удивительно: эти громады вовсе не подавляют человека. Из удосто не видишь — они висят где-то высоко над головой. Всё взгляд поглощен жизнью первых этажей: где спиральные антресоли магазинов, фруктовые развалы, книжные продажи, бесконечные бары и кафе или чинные подъезды со швейцарами в лифрах, как в Центральном парке.

Масштабы города, его пропорции необычайны, он как бы существует в двух ипостасях — горных и земных. Одни для дальнего обзора, другие — для взгляда в упор, для доверительного контакта. И улицы широки, заметьте, нет. Нет таких проспектов, как Ленинский в Москве — масштабы привычные городские.

Подобным же образом поделился со мной главный режиссер Ленинграда Марк Захаров, с которым однажды утром мы отправились по Пятой авеню в «Метрополитен» музеи. В числе других известных у нас людей Марк Анатольевич входил в группу экспертов, которую американская печать называла «авангардом Горбачева». А были среди них академики О. Богомолов и Г. Арбатов, работники ЦК партии Н. Ефимов, Н. Шишлин и А. Грачев, критик И. Дедков, кинорежиссер Т. Абуладзе, писательница Е. Евтушко и В. Карпов, и. члены Управления информаций МИД Г. Терехов, артист Д. Банников, главный редактор «Известий» И. Лаптев. Надо сказать, американцы высоко оценили открытость наших пресс-конференций в ООН в самый канун взятия, будущию и информированности представителей «авангарда», способность быстро и остроумно реагировать на вопросы иностранных журналистов.

ОДНАКО продолжают прогулку по Нью-Йорку. Порой небоскребы неожиданно расступаются, образуя узкие плацы с фонтанами, скульптурами, или, например, знаменитым катком у «Метрополитена». Там, где раньше стояла «гигантская» скульптура «Либерти зеуса», теперь висит «гигантская» скульптура «Монумента Свободы».

И это — очаровательная малая Италия, район, где живут выходцы из Америки и где все напоминает об их родине: от национальных — в три цвета — флагов до сырьемиджано, ма-по-миньин и вина «Барбеско».

Это — и узкие улички Чайна-таун, где все вывески по-китайски, рестораны. Это и Гринвич-Виллидж, район артистических, богемных, писателей и художников, сладится здесь со времен Эдварда По и Уолтера Уитниза.

И помните в Гринвиче царят духи многочисленных центров жизни, чай, скажем, на Уолл-стрите или где-нибудь в Бронксе.

Чтобы понять это, стоит лишь однажды увидеть голубой дом со множеством зеркал на парашютах: некий здешний живописец так вечно утолил свою страсть к монументальному искусству.

Совершенно особой жизнью живет Центральный парк. В эти дни в нем солнечно, тепло, шелестят под ногами опавшие красные листья, и кое-где на кустарниках еще зелень, в лужайках, в парковых аллеях или венценосных гондолах.

Парк ухоженный, с холмистым рельефом, ньюйоркцы пренебрегают сюда не воскресные прогулки, благо вдоль парка

проходят знаменитые Музейная миля Пятой авеню — так называемые участки, где расположены музеи «Метрополитен», Галерея Фрица, музей Гуггенхайма, Академия дизайна, Американцы любят «Метрополитен». Я ходил по нему не один час и был буквально потрясен его колоссальностью. Радостно было встречать старых знакомцев: в 1975 году в музее на Болтоне Москва привезла выставку 100 картин из музея «Метрополитен». Впрочем, на этот раз все было иначе. Ни этот раз они показали нам свое горе и позывали разделить его с нами...

Поэтому я решил, что лучше всего поговорить с Михаилом Сергеевичем Горбачевым.

Словом, чтобы выразить советскому руководству свое поддерхуку, свое доверие, свою надежду.

Конечно, мальчики и девочки, что требовало увеличения еврейской эмиграции или свободы Эстонии. Одна леди в национальном украинском kostюме показывала виду Украину «каком-нибудь...

